

СЕРГЕЙ ТРАХИМЁНОК

О ПРОБЛЕМАХ ЖИЗНИ И ВЫЖИВАНИЯ

1988 год – разгар перестройки, уже свободно ходит валюта, нищают бюджетники, растёт преступность, один из новых бизнесменов заплатил партийные взносы в сумме 90 тысяч тогдашних рублей. Однако всё это называлось временными трудностями, и вот-вот должно наступить время, когда непонятно откуда должен появиться “социализм с человеческим лицом”. А появиться он должен благодаря тому, что все перестроечные новшества пока ещё не касались основ развитого социализма, государства, а точнее, его основания – безопасности. И вдруг... в главном идеологическом органе партии – журнале “Коммунист” – появляется статья Владимира Рубанова под названием “Демократия и безопасность страны”.

Это был первый камень, брошенный в систему обеспечения безопасности СССР, которая создавалась отнюдь не разработкой концепций и теорий, а методом проб и ошибок, при постепенном отходе от реализации идей мировой революции к построению многонационального государства, формально ориентированного на большевистские, а фактически – на собственные цивилизационные ценности.

Разрушение указанных основ предполагало переход к некоей иной системе обеспечения безопасности, в фундаменте которой лежали так называемые национальные интересы, а сама безопасность называлась национальной.

И с этого момента все бывшие республики Советского Союза взяли на вооружение концепцию национальной безопасности, в том числе и Россия. Правда, она мгновенно обожглась – вспыхнули в регионе Средней Азии и Кавказа межнациональные “конфликты” – и стала изобретать иные названия, то “общенациональная”, то “стратегическая”.

Элиты союзных республик были более однозначны, им импонировало прилагательное “национальная”. Хотя nation в североамериканской традиции никогда не имело национальной окраски или этнического значения и переводилось как согражданство.

В то время, интуитивно почувствовав фальшь данного подхода, я не мог логически аргументировать моё внутреннее несогласие с ним и занялся исследованием сферы общественных отношений, которую условно можно было назвать методологией обеспечения безопасности социальных систем.

В чём же была новизна того подхода, который на “ура” приняли элиты тогда ещё союзных республик? По мнению тех, кто внедрял этот подход, ес-

ТРАХИМЁНОК Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, автор 46 книг, издававшихся в Минске, Москве и Санкт-Петербурге. Член Союзов писателей России и Беларуси.

ли есть нация, — а согласно Конституции, ею являлся советский народ, — то необходимо обеспечить благополучие её интересов, то есть безопасность.

Сама по себе идея о необходимости защиты интересов нации или национальных интересов выглядела вполне логично, если не учитывать того, что общество в современном государстве делится на социум и элитные слои, интересы которых могут быть диаметрально противоположны.

Но в США, где родилась идея национальной безопасности, ситуация была ещё более парадоксальной. Дело в том, что государственная машина США формально защищает интересы американского народа, но на деле осуществляет политику некоего частного коммерческого органа под названием Федеральная резервная система. Кто управляет этой системой, можно только предполагать. ФРС можно условно обозначить как мозжечок финансового мозга планеты, иначе — мировой финансовой закулисы. А для того чтобы мозг мог решать поставленные задачи, ему необходимо тело, и таким телом в разные исторические периоды становилось то или иное государство, где мозг сосредотачивал финансовые активы. Это были Карфаген и Рим во времена Античности, Венеция и Генуя — в Средние века. В двадцатом веке это место по достоинству заняли США. И осуществляют эту миссию не только с вселенским размахом, но и с неким вызовом превосходства над всеми иными субъектами международной политики.

Каждый президент США в первые годы своего президентства излагает нации своё видение проблем и перспектив отношения США со всем остальным миром в виде документа, который носит название Стратегии национальной безопасности США.

Начиная с Буша-младшего, основной идеей таких стратегий стал тезис: “Америка находится в состоянии войны”.

Данная фраза предполагала и предполагает неограниченный диапазон средств реализации данной стратегии. А указанные средства призваны обеспечить безопасность американцев в условиях “видоизменившихся вызовов и угроз нового тысячелетия”.

К главным угрозам стратегии последних десятилетий относят терроризм и распространение опасных видов вооружений.

В качестве основ, на которых должна базироваться современная стратегия национальной безопасности США, выбраны:

- защита свободы, справедливости и достоинства людей в различных регионах мира;

- исторически обусловленное мировое лидерство США в растущем сообществе демократических государств, противостоящих современным глобальным угрозам.

Своеобразно сформулирована и главная цель государственной политики США в области обеспечения национальной безопасности: “создание мирового устройства, предполагающего наличие совокупности демократических, “хорошо управляемых” (well-governed) государств, отвечающих интересам их граждан и ответственных перед мировым сообществом, что является лучшим путём обеспечения безопасности американского народа”.

Ситуация, по мнению экспертов, напоминает годы “холодной” войны. С той разницей, что у США появилась новая угроза тоталитарной идеологии, базирующейся не на светской философии, а на извращении “одной из мировых религий” (в первоисточнике — “proud religion” — гордая религия).

Существо и содержание новой тоталитарной идеологии в стратегиях не конкретизировано. И сюда может подпасть всё, что не соответствует представлениям США о мироустройстве вообще и отдельных обществ, в частности.

В стратегиях всегда есть разделы, посвящённые борьбе за свободу и права человека. Свобода и борьба по её внедрению в “несвободные” общества — конёк государств, принадлежащих к цивилизациям Выгоды.

Как правило, в стратегиях делается общий вывод о необходимости глобального продвижения демократии для защиты американской нации и её национальных ценностей с целью покончить в мировом масштабе международными усилиями с тиранией. А также перечисляются страны, народы которых, по мнению авторов указанных документов, в первую очередь, знакомы с данным явлением: КНДР, Иран, Сирия, Куба, Беларусь, Бирма и Зимбабве.

По отношению к России стратегии занимали сдержанную позицию, с одной стороны, выражая готовность США тесно взаимодействовать с Россией по

ряду стратегических вопросов, представляющих взаимный интерес, и обсуждать вопросы, в которых эти интересы расходятся, одновременно объясняя причины этого, к коим относили географическое положение и мощь, а также возможность оказывать влияние на регионы, входящие в сферу жизненно важных интересов США, то есть на Ближний Восток, Южную и Центральную Азию, а также Восточную Азию. И, разумеется, выражалось сожаление об “уменьшении” приверженности России к “демократическим” свободам и институтам. Указывалось, что попытки прервать демократическое развитие будут препятствовать строительству отношений с США, странами Европы и ближнего зарубежья.

Итак, все постсоветские государства в рамках общей моды на вестернизацию, а точнее – в рамках внешнего концептуального управления взяли на вооружение доктрину национальной безопасности, в основе которой лежали их интересы.

Мы настолько привыкли к этому понятию, что считаем его русским. И взглянув в современные справочники, можем найти самое общее определение интересов, как осознанных и оформленных потребностей. Однако у него иностранные корни, и если смотреть глубже и вспомнить А. Шишкова, который не столько боролся с иностранщиной, сколько требовал, чтобы все иностранные слова переводились на русский, то перевод этот весьма прост. Интерес – это корысть. Отсюда выражение “сфера интересов” означает сферу корысти. И всё некорыстное из неё выпадает, в нашем случае – не является объектом обеспечения безопасности.

Сегодня этому не стоит удивляться, ведь основу того общества, которое создавалось на смену социализму, составляла корысть, и она же была центральным ориентиром его идеологии.

Хотя само общество официально на уровне закона наличие любой идеологии отрицало. Но парадокс заключался в том, что, не будучи прописанной нормативно, она существовала фактически в качестве либерально-буржуазной, поскольку государственно-образованное общество не может существовать без определённой идеологии.

Трудно понять, почему это не воспринималось правящими элитами или, как модно их называть, “истеблшментом”. Возможно виной всему господство в течение почти семидесяти двух лет марксистско-ленинской теории, фундамент которой составлял материализм, хотя и диалектический, что на второй-третий планы отодвигало в государственном строительстве духовные основы.

И хотя так называемый цивилизационный подход с его значимыми адептами на Западе и в России существовал с конца девятнадцатого века, российским истеблшментом он никогда не рассматривался в качестве основы для практического государственного строительства. Объяснялось это вышеуказанной причиной, а также тем, что формационный подход всегда выглядел предпочтительней с позиций логики и простоты, чем некая трудноуловимая духовность.

И тем не менее цивилизационный подход более адекватно иллюстрирует процессы выживания большинства человеческих сообществ на Земле, тогда как формационный более чётко отражает процессы у той части человечества, главной ценностью которой является корысть.

Кстати о выживании. В девяностые годы только ленивый не нападал на термин “выживание”. Хватит выживать, говорили, в частности, младореформаторы, нужно жить. Но всё дело в том, что всё человеческое существование – это процесс выживания и преодоления вызовов со стороны пространства, климата, цивилизационных соседей и пр. И в том, в какой момент мы оцениваем это состояние. Если у нас достаточный ресурс и запас прочности – такой период называется жизнью, в условиях истонченного ресурса – выживанием.

Наиболее известные адепты данного подхода А. Тойнби, О. Шпенглер, Н. Данилевский описали и создали классификацию локальных цивилизаций на Земле, положив в её основу нематериальные признаки. Это главное отличие от подхода формационного. Тойнби, в частности, описал более двух десятков локальных цивилизаций, из которых на Земле осталось всего восемь.

Куда же исчезли остальные? Они не улетели на Луну и не провалились под Землю. Они не выдержали цивилизационной конкуренции и стали ресурсом для других цивилизаций.

Причём Тойнби принадлежит заслуга ответа на вопрос: кто же сумел выжить в цивилизационной конкуренции на Земле и кто же выбыл из этой цивилизационной гонки?

Выигравших отличало:

— умение приспособиться к пространственно-климатической среде обитания;

— умение частично приспособить, преобразовать среду обитания для своих нужд;

— способность создавать идеологические конструкции выживания, которые чаще всего имеют форму конфессий, реже — философских учений.

И ещё одна особенность этого процесса зафиксирована в шуточной форме: что русскому хорошо, то немцу — смерть. Таким образом, закреплено правило, согласно которому перенос принципов выживания одной системы в другую разрушителен для последней.

Итак, существующие, а точнее — выжившие в геополитической борьбе цивилизации продолжают межцивилизационное взаимодействие, которое включает в себя, с одной стороны, содействие, с другой — противодействие друг другу.

Следует отметить, что современные классификации локальных цивилизаций не выдерживают критики, потому что составлены с нарушением правил формальной логики.

Мы постоянно сталкиваемся с такими определениями цивилизаций, как североамериканская, западноевропейская, мусульманская, славяно-православная, конфуцианская и так далее.

В формальной логике такая ошибка называется делением по разным основаниям. Но когда кто-то делит фильмы на отечественные, иностранные и скучные, эта ошибка фиксируется и понимается сразу. А когда мы видим, что в классификацию локальных цивилизаций положены разные признаки: этническая и конфессиональная принадлежность, географическое положение и пр. — это почему-то не вызывает протеста.

Если мы исправим эту ошибку и приведём все локальные цивилизации к одному знаменателю, например, к высшим ценностям или даже квинтэссенциям этих ценностей, то получим всего три группы цивилизаций.

Цивилизации Выгоды или Прибыли,

Цивилизации Долга

И цивилизация Правды.

Здесь стоит отметить ещё одну особенность: цивилизационные ценности трудно уловимы в спокойные инерционные периоды развития. Но стоит оппонентам начать их переоценивать, посягать на них или подменять — это мгновенно вызывает реакцию сопротивления. Причём чем выше пассионарность той части человеческого сообщества, ценности которого переоцениваются, тем активнее сопротивление.

Цивилизации Выгоды, по классификации геополитиков, — талассократические. К ним могут быть отнесены в современной трактовке западноевропейская, североамериканская и их анклавы.

Цивилизации Долга, к коим те же геополитики относят теллуократические цивилизации (мусульманские, конфуцианские, индуистские), среди которых можно выделить весьма специфическую, — Россию, которой в большей степени подходит название цивилизации Правды или Справедливости.

Пять лет назад, в столетие Октябрьской революции много копий было сломано в суждениях о её причинах. И все почему-то говорили о том, что народ хотел более комфортной жизни, поскольку западнее были примеры благополучного буржуазного бытия. Ничего подобного — революцию поддержало большинство населения России, потому что ждало от неё не сытого бытия западноевропейских рантье, а более справедливого в соответствии с цивилизационными традициями жизнеустройства.

В каждой цивилизационной группе при всей её специфике социальное регулирование может определяться законом и традицией. Причём закон, как правило, регулирует отношения, которые поддаются фиксации и имеют стоимостные критерии, всё остальное относится к традиции. Здесь следует отметить, что в цивилизациях Выгоды доминируют правовые регуляторы, а во всех остальных — традиционные.

Совершённая Петром Первым идеологическая диверсия – продление Европы до Урала, а также переход с летоисчисления со дня Сотворения мира в Звёздном Храме на хронологию от Рождества Христова – отодвинули традиционные принципы организации жизни на данном пространстве на второй план. А выдвинули в социальном регулировании на первый план закон, который защищал, прежде всего, не столько способы выживания, сколько (по Марксу) интересы господствующих классов.

Я хорошо помню, что в восьмидесятые годы прошлого века многие экономисты Советского Союза, особенно молодая поросль, не просто иронически относились к социалистической экономике в силу активного вмешательства государства в рыночные отношения, а просто не называли её экономикой. Главный тезис младореформаторов того времени: “На смену нежизнеспособной экономике социализма должен придти эффективный частный собственник”.

Всё это не просто провозглашалось, но и аргументировалось теориями, идущими от Адама Смита. И никто не обращал внимания, что эти концепции более соответствовали процессам, которые происходили в так называемых талассократических (морских) государствах, тогда как для теллуократических (континентальных) государств более подходила теория Фридриха Листа, суть которой в том, что в континентальных государствах в частных руках могут находиться только структуры среднего и мелкого бизнеса, тогда как основные системообразующие отрасли должны всегда находиться в собственности и управлении государством. Причём в экстремальных ситуациях под контроль государства может подпадать и средний бизнес, а что касается мелкого, то он находится и должен находиться вне сферы государственного управления.

Степень участия государства в экономических отношениях в данном случае объяснялась тем, что в соответствующих неблагоприятных климатических условиях многие сферы человеческой деятельности являются нерентабельными и не представляют интереса для частного бизнеса. Отсюда необходимость перераспределения ресурса в те области, которые не дают прибыли, но необходимы для существования общества и государства.

Кстати, это является и основой для формирования конфигурации гражданского общества в теллуократических государствах.

Теперь несколько слов о традиционном регулировании общественных отношениях.

С 2012 года мне приходилось участвовать в работе Конгресса юристов Евразии в Екатеринбурге в качестве сопредседателя экспертной группы “Государство. Право. Безопасность”. В ходе работы данной группы много внимания уделялось проблемам, а точнее – побочным последствиям цифровизации, иммунизации, генетической паспортизации, ментальных войн и пр.

Следует заметить, что и раньше многие аспекты безопасности российского общества обсуждались в рамках деятельности данной группы, однако выводы докладчиков сводились к выявлению проблем безопасности и предложениям запретить ту или иную деятельность как являющуюся угрозой безопасности России, то есть к обычной для правового регулирования юрисдикционной, охранительной функции, задача которой – устранить чуждые или приносящие вред обществу отношения.

Алгоритм охранительной функции права вполне понятен – вытеснить или смикшировать. А чем заменить? Следует отметить, что юристы настолько привыкли к дуальной логике правового регулирования, что не воспринимаем ничего альтернативного.

Когда-то в молодости я услышал одну из притч о Ходже Насреддине, которого назначили кади.

В сознании многих россиян Насреддин – это герой анекдотов, не более. На самом же деле он дервиш и иллюстратор так называемого суфийского мировоззрения. Так вот, в той притче Насреддин судит каретника и владельца кареты. Владелец кареты поясняет:

– Вчера попросил каретника сделать новое колесо, заплатил за это деньги, но когда поехал, то колесо развалилось, поэтому каретник должен изготовить мне новое колесо и уплатить неустойку.

– Да, – сказал Насреддин, – в этом споре прав ты.

– Выслушай и меня, – сказал каретник. – Вчера я действительно сделал этому человеку колесо и получил за это плату, но он поехал в карете в горы, а в горы на каретах не ездят, и колесо у него развалилось. В этом споре прав я.

– Да, – сказал Насреддин, – в этом споре прав ты.
– Ходжа, – заметил секретарь кади, – в споре не могут быть правы обе стороны.

– Верно, – сказал Ходжа, – и ты прав тоже.

Аналогичные принципы разрешения споров существует не только у суфиев. И в истории России есть подобные примеры. Речь идёт о так называемой северной традиции выживания, сформировавшейся в суровых пространственных условиях Севера.

На протяжении последних лет об этом с докладами на Конгрессе выступали, в частности, Г. Чеурин и Е. Семаков. Самое удивительное, что в регулировании споров в рамках указанной выше традиции используется не привычная для юристов двоичность, а троичность.

В подтверждение своих выводов Г. Чеурин, в частности, приводит отражение данного принципа в государственной символике Руси в допетровские времена. Это трёхглавые орлы, которые нет-нет да и встречаются в металлическом литье тех времён.

Адепты данного подхода в качества символа создали русскую Богиню Правосудия Православу. В отличие от Фемиды, меч у неё в ножнах, повязка на глазах отсутствует, а в руке не две, а три чаши.

Парадокс заключается в том, что использование в разрешении споров так называемой третьей чаши, обладатель которой не является защитником одной из спорящих сторон, даёт совершенно неожиданный эффект – эффект возникновения качественно нового решения, которое устраивает обе спорящие стороны.

Таким образом, следует отметить, что традиционное регулирование не исчезло, оно затаилось в определённых социальных нишах и всегда пробивает дорогу в первые ряды социального регулирования в критические моменты для выживания общества и государства.

Почти весь XVIII век, лишившись своей истории, дворянские отроки обучались английскими, немецкими, но в большей степени французскими гувернёрами. И основными предметами были западноевропейская история и французский язык. Отсюда поклонение всему французскому, в том числе военному кумиру дворянской молодёжи конца XVIII – начала XIX века Наполеону.

Однако война 1812 года расставила всё на свои места. У истории нет слагательного склонения, но если предположить, что канцлером при Александре Первом мог стать Карамзин, ход войны, а возможно, и результат мог быть иным. Но Провидение поставило на этот пост вице-адмирала А. Шишкова, известного блюстителя русского языка, воззвания которого способствовали тому, что война из войны армий перешла на уровень войны народной, страшнее которой для захватчиков и оккупантов не бывает ничего.

Удивительно, что заслуги А. Шишкова в той войне нивелировались не столько замалчиванием его роли, сколько переводом оценки его деятельности в иную ипостась. Оппоненты не нашли ничего другого, чтобы оставить его в русской истории как ниспровергателя новаций в русском языке. Он так и остался в школьных и вузовских учебниках как чиновник при императоре, призывавший называть калоши мокроступами.

На самом же деле он, как и Г. Державин, призывал лишь переводить на русский употребляемые иностранные слова, чтобы не терялся смысл сказанного. Что очень важно особенно в системе обеспечения безопасности, так как неверно обозначенная угроза не вызывает необходимой в данном случае ответной реакции.

В середине XIX века к России тихой сапой подкрадывается капитализм. В начале второй его половины происходит эпохальное событие – отмена крепостного права, – что выдаётся за некий альтруистический порыв правящего класса. И уж никто не смотрит на то, что двумя годами позже в США так же отменяется рабство, которое в Америке признавалось незыблемым, так как, согласно решению Верховного суда США, освобождение рабов посягало на другую фундаментальную основу американского общества – институт частной собственности.

Отмена крепостной зависимости и рабства были нужны капиталу. Формирующемуся мировому рынку был необходим приток свободной наёмной рабочей силы. И создать его можно было только отменой крепостного права в России и рабства в США.

Последовавший после этого рывок в развитии капиталистических отношений это подтвердил. Капитал, будучи международным явлением, диктовал участникам мирового рынка свои правила игры, отодвигая на второй-третий планы традиционные социальные регуляторы в странах-участницах. Отсюда становятся понятными попытки разрушить коллективистские формы хозяйствования в России. Частным вариантом этого процесса являлись попытки Столыпина разрушить крестьянскую общину.

В России становление капитализма отличалось своей спецификой. Доминирующее положение в сфере предпринимательства стали занимать не дворяне, а так называемые капиталистские крестьяне, в основном выходцы из старообрядцев. Первое их поколение часто совместно с наёмными рабочими лично участвовало в создании капитала и мало чем отличалось от последних, второе поколение выглядело уже респектабельными промышленниками, а третье – финансировало будущую революцию.

Чуть иначе выглядел финансовый капитал. На первый взгляд, он находился в руках российского еврейства, однако уже с самого начала формировался как часть мировой финансовой закулисы.

Однако усложнение общественных отношений в сфере капитала требовало исполнения обязательств в отношениях контрагентов, что отчасти также нашло выход в традиционном регулировании в рамках деловых отношений. Это были как писанные, так и неписанные правила поведения, не относящиеся к праву.

В основе их лежал принцип "...прибыль превыше всего, но Честь – выше прибыли". И не только выше прибыли. Ведь служилый люд знал: "душа – Богу, сердце – даме, жизнь – государю, честь – никому".

Вот тут бы и вспомнить, почему в русской традиции Честь была выше жизни?

Вот как объясняет это один из адептов русской традиции Г. Чеурин – участник Полярной экспедиции 1982-1983 годов на собачьих упряжках от Узлена до Мурманска: "Всё очень просто: мы живём на Севере, путешествуем много, тщательно готовимся... но в реальной экстремальной ситуации всё, зараннее подготовленное, – не работает.

Причём путешествие на природу для русича – это же не тяжкое испытание. Скорее, радость. Наиболее тяжелы путешествия в мир людей. Людей с иным взглядом на жизнь...

Пережившие "лихие девяностые" могут подтвердить, что никакие бизнес-тренинги не давали ответа на насущные вопросы организации своего дела. Даже собственный вчерашний опыт оказывался бесполезным, конкуренты были не глупее... Приходилось "смекалкой солдатской" только и спасаться...

Да, не способный к творчеству – не способен выжить на Севере. Не придумал – умер, уже через несколько часов.

Жёстко, но справедливо. Это на Севере несколько часов решают всё, потому – не удивляйтесь – на первый план выходит уровень нравственности, а на Юге грех может "пролонгироваться" и отразиться в следующем поколении (закон кармы)...

Более того, ситуация, которая с вами может приключиться, вообще из разряда "впервые в истории", и без творческих способностей человек элементарно погружается в панику. И "самурайский вариант" в нашей традиции недопустим – дома ждут. А вот "сотворил" и спасся...

Таким образом, Честь как вершина нравственности определяется автором вышеуказанных рассуждений как способность к творчеству и высший фактор культуры, потому что культура в методологии обеспечения безопасности – основа выживания человека и человечества.

В художественной литературе это видно наиболее отчётливо.

В Беларуси в первое воскресенье сентября проводится День письменности, в рамках которого традиционно планируется круглый стол. В прошлом году он был посвящён проблемам справедливости и её отражению в художественных произведениях.

Во время дискуссии было много определений понятия справедливости. Мне как учёному, читающему курс лекций по теории права, каждый год с первой лекции приходится сравнивать такие понятия, как "право", "правда", "справедливость", "праведность", и находить один корень в них. Но на самом деле это весьма поверхностный взгляд на проблему.

Истинное значение справедливости, смысл его раскрывается иначе. Это сложное слово состоит из двух понятий: справки, то есть дела, и веды, то есть ведических правил, которые служили основой выживания во времена, предшествующие современным идеологиям и конфессиям.

Фактически это жизнь. Правда и Справедливость являются ключевыми цивилизационными ценностями. Это интуитивно понимают все. Но стоит только попытаться определить их с позиций научной методологии или просто формальной логики, суть их мгновенно ускользает.

И только писателям через образы, сюжеты, поступки персонажей удаётся это сделать. Но только в том случае, если и писатели, и читатели имеют один культурно-генетический код.

Вот как выглядит название текста об истории женщины в разных системах цивилизационных ценностей.

“История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж”.

“История Молль Фландерс, которая родилась в Ньюетской тюрьме, была содержанкой, воровкой, ссыльной, а под конец жизни разбогатела...”

Разумеется, при обсуждении воплощения справедливости в художественных произведениях обсуждался и вопрос о доведении книжной продукции до читателя.

В своё время очерки Джека Лондона с Юкона пользовались бешеным успехом.

В литературоведении советского периода этот, безусловно, талантливый очеркист значиться “певцом Севера и мужества”. Описанная им “золотая лихорадка” и то, как крутые американские парни, искатели приключений, пришли на Аляску в поисках золота и освоили её, “промыли” мозги всему миру. И весь мир считает, что именно так и было. Хотя Аляска была уже освоена более ста лет.

На самом же деле произведения Джека Лондона (а это был прямой заказ компании, которая организовала “золотую лихорадку”) имели прагматическую цель: привлечь участников и значительно нажиться не только на продаже участков, но и на содержании инфраструктуры добычи золота – посёлков старателей, оказании услуг им и так далее. Достаточно сказать, что созданная компанией конная полиция не пропускала в зону добычи золота людей, имевших при себе менее 400 американских долларов. Сумма по тем временам огромная.

Чуть позже Джек Лондон написал повесть “Джон Ячменное Зерно”. Книга эта разошлась миллионными тиражами. В США, в стране, где никто шага не делает бесплатно, на чьи-то деньги стали возникать общества борьбы за трезвость. Многие писатели включились в эту кампанию и довели градус общественного мнения и сознания до выводов: “Нация вырождается”, “Ещё немного и американцам конец”, “Так жить нельзя”. Сравните с аналогичной кампанией в СССР в 1985 году. Это “движение” привело к принятию “сухого закона”. Впоследствии это было признано ошибкой государственного управления.

И дело было не только в том, что огромные средства от нелегальной торговли спиртным пошли мимо государственного бюджета и не участвовали в решении социальных проблем. И даже не в том, что на этом нажились бутлегеры. Никто не обратил внимания, что закон разорил мелких и средних производителей ячменя и пшеницы, их производство было за бесценок скуплено несколькими крупными банками, которые после отмены “сухого закона” стали монополистами в данной сфере.

Трудно говорить о том, как расплатились заказчики с писателем, сыгравшим не последнюю роль в этих акциях. Но его смерть от передозировки наркотиков – лучшая иллюстрация вербальных отношений писателя с бизнесом.

Однако с этим не всё так просто. Джек Лондон действительно выполнял заказ частных фирм, но опирался он на те же качества, которые проявляются у человека в экстремальных ситуациях, о которых, в частности, писал Г. Чезурин. И поэтому он близок русскому читателю так же, как и американскому, поскольку среди описанного им есть и такой ориентир, как справедливость.

За сто пятьдесят последних лет наше цивилизационное пространство второй раз вбрасывалось в капитализм. И второй раз диссонанс разнонаправленных цивилизационных ценностей привёл к потере социального управления.

В рамках информационно-психологических войн наиболее опасной формой разрушающей основы выживания является подмена цивилизационных ценностей. Например, ценностей цивилизации Справедливости на ценности цивилизации Выгоды.

Представителям цивилизации Правды объективно легче найти общий язык с представителями цивилизаций Долга.

Книги, сюжеты которых основаны на принципах справедливости, должны быть основой школьных программ. Нужно вернуться к принципам массовой советской школы как единого процесса, где каждого ребёнка учили высшим базовым ценностям культуры и литературы. Конечно, не каждый может усвоить их в полном объёме, но давать их нужно всем.

Сюда же относится и усиление гуманитарного компонента в технических вузах.

В последующие годы мы должны отказаться от американского формата обеспечения безопасности, положив в его основу цивилизационные ценности, сформировавшиеся под влиянием наших пространственно-климатических и исторических условий.

В процессе противодействия традиционных государств транснациональным корпорациям у России исторически место лидера для объединения вокруг себя представителей цивилизаций, не ориентированных на Выгоду. Этому объективно способствует огромная территория и многонациональное население как своеобразная база для образования различных вариантов выживания в случаях возникновения неординарных вызовов природы и истории.

Минск, 2022